

© Багрецов Д. Н.
г. Курган

РОЛЬ ИНТЕРТЕКСТА В ТВОРЧЕСТВЕ ТИМУРА КИБИРОВА ПОСЛЕДНЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Заявленная в заглавии тема предполагает, что для анализа нами будут взяты три ближайших по времени книги стихов (по материалам последних публикаций Кибирова) — «Парафразис» (1992 — 1996г. г.), «Интимная лирика» (1997 — 1998г. г.) и «Улица Островитянова» (1999г.) Это, однако, не означает, что интертекст в творчестве Кибирова появился только в последнее время — напротив, гораздо активнее поэт прибегал к использованию интертекста в раннем творчестве.

Интертекст в художественном произведении существует на разных уровнях, значит, прежде всего требуется разделение на формальный и содержательный интертекст. К первому мы отнесем интертекстуальную (то есть — намеренно узнаваемую) строфику (интертекстуальные связи на уровне синтаксиса), стихотворный размер, цитатные строки и отдельные фразы и выражения, в том числе и устойчивые, вошедшие в язык на правах пословиц, но литературного происхождения.

Синтаксическую интертекстуальность мы можем видеть у Кибирова на примере стихотворения «Солнцедар» (сб. «Парафразис»):

Серо-черной, не очень суровой зимою
в низкорослом райцентре средь волжских равнин
был я в командировке. Звалось Мечтою
то кафе, где сметаной измазанный блин,

отдающий на вкус то ли содой, то ль мылом,
поедал я на завтрак пред тем, как идти
в Горсовет, где склонясь над цифирью унылой,
заполнял я таблицы. Часам к девяти...

Предложение здесь не совпадает со стихом и даже со строфой — у Кибирова можно наблюдать тот же «прозаический» синтаксис, который отмечал у И. Бродского М. Ю. Лотман. (1) Этот синтаксис присутствует и во многих других стихах, например:

Скажем так, почему это все, почему
это все? Ну за что же, зачем?
(сб. Парафразис, цикл «Памяти Державина»)

Говоря о содержательном уровне интертекста, надо отметить, что этот вид интертекста может быть и прозаическим по происхождению. Для анализа содержания важно, прежде всего, к творчеству какого писателя обращается поэт. В стихотворении может прямо называться имя этого писателя, в заглавии или в тексте («подражание Некрасову Н. А.», «подражание Некрасову В. Н.» в сб. «Улица Островитянова», цикл «Памяти Державина» в сб. Парафразис).

Кроме того, писатель этот может опознаваться по знаменитой строчке:

Дальний гром с душою говорит.
(«На слова, по-моему, Кирсанова...», сб. Парафразис)

У Кибирова можно видеть также интертекстуальное сравнение:

...а лес **как бы хрустальным**
сияньем напоен.

(Игорю Померанцеву. Летние размышления о судьбах изящной словесности, сб. Парафразис) — строка явно связана с пушкинским «весь день стоит как бы хрустальный».

Интертекстуальная связь может прослеживаться и на уровне образной системы. В частности, чужой образ может быть использован для сравнения:

я, как Альбер, ротцу, как Германи, алчу злата ...

(Игорю Померанцеву. Летние размышления о судьбах изящной словесности, сб. Парафразис)

Кибиров предпочитает быть интертекстуально связанным с отечественными авторами. Вызвано это, очевидно, тем, что поэт рассчитывает на эффект узнавания и хочет быть в уверен в узнаваемости своих аллюзий. Интертекст приносит в художественный мир поэтического произведения эффект узнавания и, в оценочном плане, иронию. Первое характерно для концептуализма, второе же вполне в духе постмодернизма вообще.

Определив автора, с которым интертекстуально связано то или иное стихотворение Кибирова, необходимо установить цель этого обращения — это и есть содержательный уровень интертекста

В стихотворении «Вечернее размышление» из книги «Парафразис» интертекстуально, прежде всего, само название, содержащее указание на почти одноименное стихотворение М. В. Ломоносова. Кроме того, именно здесь можно наблюдать одну культурную антитезу, к которой постоянно обращается поэт, особенно в раннем творчестве — это противопоставление русской литературы XVIII — XIX века и советской массовой культуры:

уже не вспыхнет огонь, не скрипнет дверь.
И, может, радость наша недалече
и бродит одиноко меж теней.

Обращает на себя внимание устаревшая форма «скрипнет» в аллюзии на советскую песню — так проявляется у Кибирова соединение двух эпох, двух культур, и диалог их в стихотворении. Кстати, это слово «скрипнет» отсылает нас к лермонтовскому Парусу: «и мачта гнется и скрипит».

Интертекстуальность у Тимура Кибирова может выступать в качестве средства полемики с поэтом — предшественником:

Юноша бледный, в печать выходящий!
Дать я хочу тебе два — три совета:
первое дело — живи настоящим,
ты не пророк, заруби себе это!
И поклоняться Искусству не надо!
Это и вовсе последнее дело.
Экзюпери и Батая с де Садом
перечитай, можешь выбросить смело.

(«Юноша бледный, в печать выходящий...», сб. «Улица Островитянова»)

Стихотворение В. Брюсова выбрано автором не случайно: осмысление роли, места поэта в мире всегда было и не могло не быть важной проблемой для поэзии. В данном случае авторскую позицию определяет сам факт использования интертекста. Интертекст подразумевает вторичность, некий повтор или возвраще-

ние к теме. Разумеется, в таком случае поэт уже не может считать себя творцом. Снижение в современном понимании доселе возвышенного образа Поэта — торца происходит в данном случае через замену торжественно — возвышенных эпитетов Брюсова на слова стилистически нейтральные (*Юноша бледный со взором горящим/Ныне даю я тебе три завета*: Завет Брюсова превращается у Кибирова в простой совет; то, что эти слова рифмуются, отражает авторскую иронию). Пример спора с классиком тоже не единственный:

В Россию можно только верить?

Нет, верить можно только в Бога!

(«Историософское», сб. «Улица Островитянова»)

Можно отметить, что интертекст у Кибирова часто служит для переосмысления утвердившихся в литературе стереотипов. Так, в стихотворении «Исторический романс»:

Что ты жадно глядишь на крестьянку

Подбоченься, корнет молодой?

за счет интертекстуального обращения к некрасовскому сюжету утверждается современный — и совсем не некрасовский — взгляд на проблему сословных барьеров.

Иногда Кибиров не ограничивается одной интертекстуальной ссылкой, и несколько раз обращается не только к тому же автору, но и к одному произведению.

Стихотворение «Под собою почувяв страну» из книги «Улица Островитянова» не просто перекликается, а являет собой прямой отзыв на строку О. Мандельштама «Мы живем, под собою не чуя страны»

Интертекст у Кибирова, как правило, поэтический по происхождению. Из прозаических аллюзий можно назвать, пожалуй, образы (то есть другой вид интертекста) из повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Таких обращений нами найдено два:

И Петрушин возок все пути не найдет,

И Вожатый из снега встает.

(«Хорошо Честертону, он в Англии жил», сб. «Улица Островитянова»), и

он зовет себя Третьим Петром,

твой тулупчик расползся на нем.

(«Исторический романс», сб. «Парафразис»).

Любопытно, что Кибиров в обоих случаях (при дистанции в несколько лет) обращается не только к одному произведению, но и к одному образу в нем. Стоит также отметить, что в обоих стихотворениях Кибирова пушкинский Вожатый — Пугачев появляется в конце, (выше в обоих случаях приведены **последние** строки), — автор явно обозначает таким образом финал.

Интертекст в творчестве Т. Кибирова связан с использованием такого художественного приема, как контраст:

Нелепо сгорбившись, застыв с лицом печальным,

Овчарка какает. А лес **как бы хрустальным**

сияньем напоен.

(Игорю Померанцеву. Летние размышления о судьбах изящной словесности, сб. «Парафразис»)

В данном случае сниженная, бытовая сцена описана высоким слогом, и связана с пушкинской цитатой — сравнением, что и создает контраст.

В заключение хотелось бы добавить, что литература — не единственный источник интертекста для Кибирова. В качестве примера можно привести много-

численные упоминания названий газет, журналов, музыкальных коллективов, имен телекомментаторов:

...нам, право, невдомек,
Чем так прельщал умы хитрейший «Огонек»,
Честнейший «Новый мир», Коротич дерзновенный

(Игорю Померанцеву. Летние размышления о судьбах изящной словесности, сб. Парафразис)

Звучит эфир. Витийствует Доренко
И группа «Стрелки» огонь рождает в чреслах
(«Парфенову по НТВ внимая...», сб. «Интимная лирика»)

Очевидно, что источником интертекста для поэта служит вся окружающая реальность, вся совокупность текстов сегодняшнего мира.

Примечания:

1. Лотман М. Русский поэт — лауреат Нобелевской премии по литературе // Дружба народов. 1988. № 8. С. 184 — 186.

© Барсукова О. А.
г. Барнаул

ГЕРОЙ РАССКАЗОВ М. ЗОЩЕНКО В ЕГО ОТНОШЕНИИ К ТЕКСТАМ КУЛЬТУРЫ

Зощенковский герой стихийный коллективист, который с глубоким недоверием относится к индивидуализму. Он открыт во все стороны, весь вовне, в нем нет ничего для себя одного. Действие в рассказах М. Зощенко почти всегда происходит на людях и с участием публики. Роль ее в событиях может быть различной:

- масса (мы) сама является героем рассказа («Нервные люди», «Собачий нюх»);
- герой страдает вместе с коллективом («Баня», «Кинодрама»);
- он взывает к коллективу со своей обидой, просит рассудить («Рабочий костюм», «Мещане»);
- народ наблюдает конфликт, берет на себя роль арбитра («Аристократка», «Гримаса нэпа»).

На первый взгляд, кажется, что тексты М. Зощенко в силу своей серьезно — смеховой природы и многолюдности зощенковского пространства карнавальны по своей сути: «Карнавал — синкретическая зрелищная форма обрядового характера. Карнавал не созерцают и даже не разыгрывают, а живут в нем, живут по его законам» [1: 207]. Карнавал, как свидетельствуют исследования М. М. Бахтина, не только отразил определенный исторический этап развития культуры, но и некое универсально — праздничное бытие человеческого коллектива.

Начиная с середины XVII в. народно — карнавальная жизнь идет на убыль. Она утрачивает всенародность, покидает площадь и становится уделом литературы, в особенности произведений смехового характера. Но следует принять во внимание, что карнавальные элементы в творчестве отдельного писателя, оторванные от непосредственного источника, карнавала, несколько видоизменяются и переосмысливаются. Основной ареной карнавальных действий служила античная площадь, так как по своей идее карнавал всенароден и универсален, к фамильярному контакту должны быть причастны все.